

Великой Победе 65. Орден в последний день.

Опубликовано пн, 23/08/2010 - 04:17 пользователем Гость (не проверено)

Обстановка их квартиры так мало походит на привычную для нас, гарнитурно-лакированную, что я сразу ощутил какой-то необыкновенный уют хорошего деревенского жилья начала шестидесятых годов. И сразу взгляд остановился на приметах их простого быта: пол застелен домоткаными дорожками, в углу большая никелированная кровать, а рядом тяжёлый платяной шкаф, так похожий по своей несокрушимости на сейф. И всё же не это главное в создании той атмосферы, что царит в квартире.

Что-то особое, совершенно сейчас не принятое, но неуловимо близкое всем нам, живущим в удобных благоустроенных квартирах, присутствовало здесь. Неожиданно я понял, что определяющим в этом доме, его душой являются большие портреты в рамках и рамках разной толщины, со вставленными в зазоры между деревом и стеклом более поздними фотографиями детей и внуков. Вспомнилось детство, наверное, у большинства людей моего возраста в памяти сохранились эти семейные уголки, с развешенными впритык портретами близких и далеких, но родных людей. Фотографии были разными не только по размерам, но и по виду. Тёмные, и пожелтевшие, и уже выцветшие вдруг раздвигались и давали место свежим – рождались люди, и появлялись новые фотокарточки. Так до сих пор пополняются эти домашние музеи руками наших постаревших родителей. И уже прикреплены рядом с блеклыми любительскими снимками цветные фото, свидетельствующие, в сравнении с прежними, о довольстве и счастье молодых. Они говорят и о том, что уже сорок лет не гремят пушки, что всё дальше и дальше мы отдаляемся от времени фотографий, на которых мужчины в шинелях и гимнастерках, а женщины в темных глухих платьях, военного покроя. И здесь была такая. На увеличенном снимке двое молодых людей, у него погоны с широкой сержантской лычкой, она в закрытом наглухо платье. У них открытые красивые лица, но улыбок нет, есть чуть смягченный радостью взгляд, а в остальном серьезность и понимание. Понимание того, что им в жизни очень и очень повезло, что они, несмотря ни на какие

невзгоды, нашли друг друга и пронесли свои чувства по этой тяжелой последней войне. Хозяин квартиры, увидев, что рассматриваю фотографию, вздохнув, сказал: "Что сделаешь, война сводит, - помолчал и добавил, - но сначала разводит". Он стал рассказывать историю создания своей семьи, в общем-то, типичную для тех военных лет.

Одиннадцатая воздушно-десантная дивизия в начале сорок второго находилась в резерве ставки и дислоцировалась в Калинин. Каждый день шли изнуряющие учения: стрельба, подрывное дело и прыжки, прыжки, прыжки – ничего не поделаешь, в любой момент может быть приказ – в бой. Были и недолгие часы увольнений, и тогда бродил Иван Ельцин по прифронтовому городу, подолгу сидел в засыпанном снегом парке, а потом заходил в трамвай и ехал так просто, без цели. Вот в одну из таких поездок и познакомился он с Екатериной Александровной. Потом встречались ещё несколько раз, и делился своим скудным пайком боец с женщиной и двумя её маленькими детьми. Муж Кати погиб в восемнадцати километрах от родного дома в октябре сорок первого. Когда дивизию перевели, писал сам, получал ответы, а в сорок пятом, после демобилизации, сразу вернулся в Калинин. В день, когда они расписались, и снял их на карточку одноногий фотограф в только-только открытом фотоателье.

Нашли друг друга, нашли свою судьбу. Я смотрю на тяжелые руки Ивана Поликарповича, они очень молоды, мускулистые, без стариковской желтизны, без синих вздувшихся жилок, пальцы с обломанными ногтями со следами въевшейся металлической пыли, в мелких ссадинах, говорят о том, что их владелец всё ещё работает.

А работать он начал рано. Родители умерли, когда ребёнок ещё даже не произносил слова "мама". Пока был маленьким, воспитывался в детском доме, правда, на лето забирала старая бабушка, пока была жива. В детской коммуне "Коминтерн" под Курганом ребятишки и учились, и работали. Зимой, после уроков, бежал Ваня с друзьями на конюшню кормить лошадей. За каждым было закреплено по две, на них потом им всё лето предстояло работать в поле. Коммуна себя содержала сама. После школы Иван рубил уголек в шахте, так сразу из забоя и забрали молодого шахтера в армию ранней осенью сорок первого.

Сидит напротив меня крупный седой мужчина, морщины, избороздившие лицо его, разглаживаются, когда речь заходит о сегодняшних трудовых делах ветерана.

– Вроде, работаешь когда, ничего не болит, придешь домой, расслабишься, все жилки отдыхают. Да и когда на людях, всё лучше – и душу отвести можно, и посмеяться вместе над шуткой какой ...

После призыва попал Иван Поликарпович в Саратов в школу младших командиров: изучал материальную часть, устройство парашютов, приемы боя с воздуха. Иван Поликарпович обращает внимание, что я держу на ладони тяжёлый бронзовый значок "Парашютист-отличник" и говорит:

– Шестьдесят четыре прыжка у меня.

Правда, на занятую немцами территорию он так и не прыгал, хотя был приказ, и уже сидели в самолетах, готовились к выброске под Киевом. Но приказ был отменён из-за того, что немцы выдавили партизан из зоны, куда должны были приземлиться десантники. И первые, кто был выброшен, почти все погибли в неравном бою.

В действующую на фронте армию сержант ЕЛЬЦИН попал уже в будапештские бои, когда их дивизия была влита в состав 38-го гвардейского стрелкового корпуса. Разбитый Будапешт

лежал перед солдатом, затем была красавица Вена. Она почти не пострадала, советское командование понимало уникальную ценность города, и Иван Поликарпович до сих пор пленён чудесным городом над Дунаем. Уже освобождена Европа, капитулировал Берлин – гнездо коричневой чумы, и на развороченных снарядами стенах Рейхстага расписались герои берлинской битвы, но в это же время озверевшие эсэсовцы душили пражское восстание, немецкие танки разбивали "Злату Прагу", в последних судорогах фашистского кошмара погибали чешские патриоты. Из Вены корпус на колёсах был брошен в направлении Праги. Утром девятого мая, когда уже было сообщено по корпусу о капитуляции Германии, колонна корпуса на полной скорости летела к столице Чехословакии. Вдруг, не доезжая до Пльзеня, колонна приостановилась: на дороге стояли двое в подпоясанных ремнями пальто, у одного было охотничье ружьё, у другого у пояса висела кобура. Чехи, коверкая русские слова, сообщили командиру контрразведки, у которого в подчинении состоял Ельцин, что недалеко на горе засели немцы. Сколько их, чехи не знали, но, что они хорошо вооружены, им было известно. Полчаса назад они обстреляли группу восставших и убили их товарища. Колонна уже спешила дальше, а машина начальника контрразведки с полувзводом автоматчиков остались на дороге. "Кто пойдёт – разберется?" – спросил контрразведчик. Иван Поликарпович объяснил, что увидел, как неуловимо дрогнули лица ребят, и мол, не от смелости, а от того, что ему круглому сироте всё же легче принять такое решение, шагнул вперед.

Через час он карабкался по поросшему ельником склону вместе с чешскими повстанцами, они вели его в тыл немцам, расположившимся на площадке скалы, нависающей над дорогой. Фашисты спокойно сидели кучками по несколько человек, перебрасываясь негромкими фразами, курили. Оказавшись выше врагов, как он сам говорит: "Не помня и не слыша себя, заорал: "Хенде хох!!! Хенде хох!!!". Немцы, не видя противника, но услышав многократно усиленный горами приказ, растерялись, но уже через минуту потянулись к автоматам. Пущенный солдатом веер длинной очереди отрезвил их и заставил нехотя поднять руки. Когда спутники Ивана Поликарповича собрали оружие, он нагрузил его на одного из немцев и показал стволом своего "Калашникова" вниз. Один за другим спускались двадцать два немца в черных мундирах, и что отпечаталось в сознании сержанта – это очень добротные, блестящие даже под пылью сапоги. То один, то другой падал на крутой тропе, но поднимался и шёл дальше. Чехи, бредущие рядом с Иваном, были чем-то возбуждены и всё время повторяли: "Гестап, гестап", на что он отвечал: "Внизу разберутся". На дороге, после сбивчивых объяснений чехов и недолгого допроса тучного пожилого немца, начальник контрразведки приказал расстрелять захваченных гестаповцев. Война – жестокая штука, и то, что расплата неотвратима, надо помнить тем, кто её начинает.

Ещё через два часа машина влилась в общий поток колонны. Прошло некоторое время, у обочины притормозила эмка, контрразведчика вызвали к ней, а потом подозвали и Ельцина. На чёткое приветствие солдата генерал-лейтенант Утвенко пожал ему руку, поздравил с награждением орденом "Славы III степени" и сказал: "Вот и всё – немцы в Праге капитулировали".

В июне, за два дня до убытия из части, получил солдат свой боевой орден. После войны была долгая мирная жизнь. У Ивана Поликарповича и Екатерины Александровны родилось четверо детей. Живут супруги все эти годы в согласии, со своими заботами, большими и малыми радостями и бедами, И каждый день идёт на своё рабочее место ветеран войны и труда, кавалер солдатского ордена, слесарь-сантехник Иван Поликарпович Ельцин. Он щурится на мягкое летнее солнце – у него хорошее настроение, потому что он нужен людям, а он не подведёт, сделает для них всё, что в его силах.

PS. Рассказ написан как результат живых бесед по воспоминаниям И.П.Ельцина в год 40-ой годовщины Победы.

С. Сиротин.

Категория:

[Краеведение](#) [1]

Source URL: <http://46.45.32.78:8080/news/velikoy-pobede-65-orden-posledniy-den>

Ссылки

[1] <http://46.45.32.78:8080/mmc/kraevedenie>